

УДК 82-23

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЧУВАШСКОЙ ДРАМАТУРГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

И. Ю. Кириллова¹, А. Ф. Мышкина²

¹Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары

²Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Исторический жанр в современной художественной литературе является достаточно развитым. Его поэтика сложна и разнообразна: для достижения достоверности писатели обращаются как к историческим документам и личностям, так и к легендам, сказаниям и фольклорным образам. **Целью** данного исследования стало изучение тех произведений чувашской литературы (в основном драм), в которых писатели затрагивают историю народа, в частности, эпоху Волжской Булгарии и вхождения чувашских земель в состав России. Данная тема в художественном творчестве писателей является достаточно деликатной, потому что до сегодняшнего дня чувашская историческая наука не до конца решила проблему исторического развития народа. В связи с этим в любом произведении такого характера много спорных и неоднозначных с точки зрения их достоверности вопросов. В качестве основного **материала** для научного анализа авторы статьи выбрали произведения драматургии второй половины XX века (Т. Педерки, М. Юрьев, И. Петрова, М. Карягина, Б. Чиндыков, Н. Петровский-Теветкель и др.). Также в качестве наиболее удачного примера исторического жанра и с точки зрения достоверности исторических фактов и событий проанализирован роман К. Турхана «Свияга впадает в Волгу». Следует отметить, что многие из проанализированных произведений свою популярность получили в конце XX века, в период подъема национального самосознания чувашского народа, и в начале XXI века, когда проблема сохранения национального языка и культуры также остается одной из актуальных. Основным **результатом** данного исследования является выявленная авторами тенденция привлечения схожего исторического материала для реализации главной идеи произведения – становления или возрождения национально-этнического самосознания чувашского народа.

Ключевые слова: чувашская литература второй половины XX века, историческое повествование, чувашский исторический роман, чувашская историческая драма, историчность, вымышленное (или художественный вымысел).

PECULIARITIES OF HISTORICAL RELIGION IN THE CHUVASH DRAMATICS OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

I. Yu. Kirillova¹, A. F. Myshkina²

¹Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Cheboksary

²Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

The historical genre in modern fiction is sufficiently developed. His poetics are complex and diverse: to achieve credibility, writers refer to both historical documents and personalities, as well as to legends and folklore images. The purpose of this study was to study those works of Chuvash literature (mainly dramas) in which writers touch upon the history of the people, in particular, the era of the Volga Bulgaria and the entry of Chuvash lands into Russia. This topic in the works of writers is rather delicate, because until now Chuvash historical science has not fully solved the problem of the historical development of the people. In this regard, in any work of this nature, there are many controversial and ambiguous questions from the point of view of their reliability. As the main material for scientific analysis, the authors selected works of drama from the second half of the 20th century (T. Pederki, M. Yuriev, I. Petrova, M. Karyagina, B. Chindykov, N. Petrovsky-Tevetkel, etc.). Also, as the most successful example of the historical genre and from the point of view of the reliability of historical facts and events, K. Turhan's novel "Sviyaga falls into the Volga" is analyzed. It should be noted that many of the analyzed works gained their popularity at the end of the 20th century, during the rise of the national self-consciousness of the Chuvash people, and at the beginning of the XXI century, when the problem of preserving the national language and culture is also one of the most urgent. The main result of this study is the tendency, revealed by the authors, to attract a similar historical material for the realization of the main idea of the work – the formation or revival of the national-ethnic self-consciousness of the Chuvash people.

Key words: Chuvash literature of the second half of the 20th century, historical narrative, Chuvash historical novel, Chuvash historical drama, historicity, fictional (or artistic fiction).

Чувашская национальная культура сегодня достаточно изучена, но тем не менее многие вопросы по ее истории до сих пор не решены. Чувашская историческая наука по независящим от нее причинам лишь с 1980-х гг. стала интенсивно искать пути развития истории народа, выявлять исторические события, способствовавшие становлению нации и т. д. Между тем художественное творчество, начиная уже с 1920-х гг., используя «крупинки» знания, стремилось реконструировать древнюю историю чувашского народа. В этом писатели видели своеобразную платформу для духовности и дальнейшего самосохранения нации. В последние годы усилился интерес литературоведов к проблеме историзма в литературе [3; 9; 10]. Исследователи отмечают, что «литературный процесс XX столетия в целом представляет собой своеобразный феномен, заключающий в себе непростое взаимодействие разных векторов эстетического поиска. Поэтому и писатели, тяготеющие к классическим традициям, и экспериментаторы-первопроходцы, ищут те художественные формы, которые адекватно отражали бы все изменения в сознании современников, а также соответствовали бы собственным представлениям о мире, о функции языка, о месте и роли литературы» [6, с. 113]. В своих работах они учитывают то, что у каждого автора есть свое видение и толкования того или иного исторического события и факта.

Так, интерес писателей к истории народа в середине XX в. способствовал появлению и серьезной исторической литературы. В эти годы чувашская проза (Н. Мранькка, С. Аслан, Н. Ильбек, К. Турхан и др.) впервые обратилась к такому сложному жанру как исторический роман, а драматургия (И. Максимов-Кошкинский, М. Ухсай, Л. Родионов, Т. Педерки, Н. Терентьев) – к историческим и героико-революционным пьесам и драмам, которые были обращены к различным этапам истории чувашского народа от средних веков до периода Великой Отечественной войны.

Историческое произведение – это произведение, в котором действие разворачивается на фоне исторических событий. С этих позиций произведение К. Турхана «Сёве Атӑла юкса кӑрет» (Свияга впадает в Волгу), действительно, является историческим романом. Тем не менее, сразу же хочется обратить внимание, что писатель больше нацелен на создание художественного произведения, а не летописи, т. е. не пересказывает действительную историю. Так, уже само название романа имеет философско-эстетическое значение. Свияга впадает в Волгу: в данном утверждении Волга – это

образ России, а Свияга – чувашский край. Подобно тому, как в природе большие реки (Волга) подпитываются водами маленьких рек и родников (Свияга), чувашский край, чувашская культура обогащает Россию. В этом, на наш взгляд, есть определенный художественно-философский взгляд самого писателя – вхождение чувашского края в состав России – это естественное историческое движение чувашей, такое же, как движение реки. Такое же, когда большие реки притягивают к себе маленькие ручьи. Но это вместе с тем лишь один из путей, который был выбран в тот исторический момент.

К. Турхан стремится максимально правдиво описать период Казанского ханства в истории чувашского народа. На наш взгляд, в этих целях он создает атмосферу мирного сосуществования чувашей как с русскими, так и с казанскими татарами, по крайней мере огромное стремление чувашей к такому мирному существованию. Правдивым фактом являются, скорее всего, и примеры добровольного, единичного принятия ислама чувашами для достижения определенного социального статуса. В романе на эту идею работает образ чуваша Тукая.

Для усиления историзма писатель широко использует слова и выражения, которые относятся к лексике описываемой в романе исторической эпохе. К примеру, в первой книге [11] это: «Иҫниксем» – военнотруженики Казанского ханства стоящие на страже вдалеке; «ясырь» – плененный мирный народ; «элем» – флаг; «алмак мар» – не родная мать; «айпӑлта» – маленький топор древних чувашей; «кӑш» – соболев; «стратилат» – военнотруженик, полководец; «су-чӑваш» – чуваш, живущий в двух религиях. Во второй книге [12]: «херӑп» – нужда, трудности; «станлица» – охрана от татаров; «тезицки купсасем» – купцы из Средней Азии; «енлӑк» – дикая птица и т. д. Более того, в романе много татарских терминов и выражений, имеющих религиозное или военно-хозяйственное значение. Все это, на наш взгляд, также усиливает ощущение реальной исторической действительности в поэтике романа.

В качестве бесспорных исторических фактов, которые повышают документальную точность событий романа, вероятно, также нужно назвать: 1) решение русского государя Ивана Грозного построить крепость – «на месте, где Свияга впадает в Волгу» – Новоград Свияжский; 2) образы русских воевод – Данил Юрьев, Иван Хабаров, Михайло Воротинский, Семен Микулинский, Петр Шуйский, Петр Серебряный, Григорий Булгаков, Иван Шереметьев; 3) послание царя с конкретной

датой – «лета 7059... (соответствует 1554 году)»; 4) точные даты смены власти казанских ханов, в частности прихода к власти героя романа Магмет Эминя и его набеги на Москву и на русскую территорию – 1484, 1487, 1495, 1502 годы и т. д.

Историческая основа романа не вызывает сомнения, но данное произведение не следует рассматривать как полную реконструкцию исторических событий периода присоединения чувашского края к России. Несмотря на все исторические факты и персонажи, роман «Свияга впадает в Волгу» остается толкованием истории, как ее понимает сам писатель и как его понимают его современники, т. е. поколение чувашей второй половины XX века.

История чувашского народа во времена Волжской Булгарии, а также присоединения чувашей к России в национальной словесности чаще всего интерпретируется в жанре трагедии. Этот жанр, как один из самых сложных, был недостаточно развит на протяжении всей истории чувашской драматургии [2, с. 156]. Появлению первых исторических трагедий (трагедии «Силпи – пайхар пики» (Сильби – дочь болгарского царя) Г. Тал-Мырзы, «Пайхар патшаләхән юлашки кунёсем» (Последние дни Булгарского государства) М. Юрьева) способствовали подъем национального самосознания в годы революции 1917 г. и работы Г. Комиссарова [5], Н. Ашмарина [1] и других исследователей по истории происхождения чувашского народа. Во второй половине XX в. тему Булгарского государства как части истории чувашского народа поднял писатель Т. Педерки в исторической пьесе «Юнлӓ кунсем» (Кровавые дни), жанр которой автор обозначил как трагедия.

Во время работы над пьесой «Кровавые дни» он обратился к документальным источникам по истории Волжской Булгарии. В ней обозначено конкретное время действия происходящих событий – 1236 г., год падения Булгарского государства. Целью автора стало не столько воссоздание достоверной исторической картины, сколько исследование духа самой эпохи, одной из сложнейшей и противоречивейшей в истории народа. Столь тревожное время отражается и на героях драмы. Через переживания и действия персонажей, ощутивших на себе нападение татаро-монгольского войска (в самой пьесе врагами показаны только монголы), автор показывает патриотизм и стойкость чуваш-булгар. В этом отношении убедительно показаны характеры героев Уманхана, повелителя города, его дочери Чернекей, судьи Уганяя, простых воинов Тырна и Курбун.

По охватываемым событиям пьеса «Кровавые дни» созвучна трагедии «Последние дни болгарского государства» М. Юрьева и близка ей как в идейном плане, так и композиционным построением. Обе начинаются с пролога, где старцы-чувашаи рассказывая своим внукам древнюю историю своего народа, когда они еще назывались булгарами, переносят повествование в далекие 1220–1230-е годы. В обеих пьесах мотив предательства толкуется как одна из причин падения такого могучего государства как Волжская Булгария. Однако если в «Кровавых днях» предатель Алцек, будущий зять Уманхана и сын повелителя города Сувар (предатель из первых лиц государства), больше опасается за свою жизнь и все равно погибает от рук врага, то в трагедии М. Юрьева предатели Селехмет и Шахшар преследуют корыстные цели и показаны более убедительно. И в структурном, и в идейном плане вторая трагедия выглядит содержательнее, в ней автор сумел показать нарастающее напряжение и идейно доказать неизбежность подобного конца такого великого государства. Обе пьесы постигла одна и та же участь забвения. Булгаро-чувашская тема, еще в 1920-е гг. в официальных кругах считавшаяся проявлением «буржуазного национализма» [8, с. 397], и в 1960-е гг. не вызвала у критиков особого энтузиазма [7].

Тема Волжской Булгарии как части истории чувашского народа волнует чувашских историков и писателей с момента обнародования данного исторического факта. В историческом жанре к ней обращались и обращаются драматурги разных поколений. В жанре трагедии в стихах написано одно из удачных творений 1970-х гг. – «Кун-сул юппинче» (На распутье) И. Петровой. Если авторы исторических пьес чаще всего акцентировали свое внимание на распаде Булгарского государства, то И. Петрова освещает социально-общественный строй Булгарии в начале X в. (910–940-е гг.). События в трагедии связаны с периодом исламизации ее населения. Из истории известно, что болгарский правитель Алмуш действительно, стремясь освободиться из-под власти Хазарского каганата, просил Багдадского халифа прислать мусульманских наставников и строителей мечети для распространения ислама среди болгарского населения. В 921 году в Булгарию в составе багдадского посольства в качестве секретаря прибывает и Ахмед ибн Фадлан, описавший свое путешествие на Волгу в форме «Заметок». Эти путеводные заметки являются одним из важнейших источников по средневековой истории Поволжья,

Заволжья и Средней Азии, на которые опиралась и И. Петрова при написании трагедии «На распустье». Об этом свидетельствуют и те факты, что в качестве героев автор вводит прототипы исторических личностей (Алмуш, Ахмед ибн Фадлан, Джафар ал-Муктадир и др.), пользуется точной датировкой (309 г. хиджры), вводит сюжетную линию с торжественным оглашением письма халифа и обещанными им, но не присланными 4000 динарами для постройки крепости и т. д. Хорошим источником послужило издание монографии «Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана» [4].

В трагедии «На распустье» художественно убедительно показана самоотверженная и трагическая борьба местного населения (чуваши-булгар) против исламизации. На ее фоне разворачивается сюжетная линия трагической любви Телей и Илем, что послужило поводом для некоторых критиков рассматривать пьесу как любовно-романтическую драму. Но именно она усиливает трагизм происходящих исторических событий. Дочь чувашского эмба Юмана Илем и предводитель рода Вырох Телей любят друг друга. Но элдебер Алмуш и его зять Чахал похищают Илем и отправляют в подарок багдадскому Халифу. Через 30 лет влюбленные встречаются: Телей как чувашский предводитель предстает перед багдадским Халифом, мужем Илем, но им уже не суждено быть вместе – Илем убивает себя, а Телю казнят. За несчастьями влюбленных лежит трагическая судьба самого народа, который верен своему вероисповеданию и не приемлет чужого.

Эстетические принципы чувашской драмы последних десятилетий во многом были связаны с процессом возрождения национально-этнического самосознания. Находясь на перепутье, в раздумьях о дальнейшей судьбе своего народа, деятели национальной культуры ищут ответ на свои вопросы в событиях истории, в фольклоре – словом, в истоках народной культуры. Борьба народа за свои национальные интересы и приоритеты, национальную свободу рассматриваются с новых позиций и освещаются в таких исторических драмах, как «Пёр хёрес айёче» (Под одним крестом) Н. Максимова, «Мён-ши вål ирёклёх?» (Что же такое свобода?) М. Юхмы, «Хёхём хёрен хёхлевё» (Плач девушки на заре) и «Сåлтår сённе каç» (Когда гаснут звезды) Н. Сидорова, монодраме Б. Чиндыкова «Хура чёкеç» (Черная ласточка) и других. Исторические пьесы Б. Чиндыкова «Урасмет» (Уразметь), Н. Исмукова «Ахåрсамана» (Светопреставление), Н. Петровского-Теветкеля «Киремет» (Киреметь), М. Карягиной «Кёмёл тум-

лå çар» (Серебряное войско) – яркий признак поисков новых форм в жанре трагедии в стихах в современной чувашской драматургии.

Историческая диалогия Н. Сидорова «Плач девушки на заре» и «Когда гаснут звезды» охватывает период борьбы народов Волжской Булгарии против татаро-монгольских захватчиков и повествует о периоде присоединения Чувашского края к Российскому государству. Основываясь на выводы историков, автор опровергает концепцию добровольного вхождения Чувашии в состав России. Ему важно не столько воссоздать реальные исторические события, сколько отразить национальный дух, дух эпохи, охваченный распрями между родовыми племенами, волнениями народа: с кем быть, кому поклониться, как сохранить свою идентичность? И в самые переломные моменты своей истории среди чувашей оказывались сильные духом, преданные своей идее, народу, нации предводители, которые сберегли народ напекор тщеславному, стремящимся к власти и деньгам мурз и турханов.

Коллизия власти и человека, идея объединения народа в борьбе за независимость, самосохранение, отстаивание своих интересов, волнуют и Б. Чиндыкова в трагедии «Урасмет» (1992). В центр пьесы поставлен сложный образ предводителя рода Урасметя, который счастливым стечением обстоятельств – чувашские племена объединились в борьбе против исламизации и побóров казанского Хана – становится великим князем. Захватив власть, он устанавливает жесткую тиранию, держа народ в подчинении и нещадно обирая его. Безжалостный и коварный, он плетет интриги для достижения своих честолюбивых целей. Эта деспотичная, губительная для окружающих власть сеет раздоры, лезть, раболепие, ненависть, унифицирует человеческие характеры, лишает их достоинства, превращает в слепое орудие чужой воли. Используя стихотворный метр, автор прибегает к ритмизированной прозе, чем усиливает трагическое восприятие пьесы. Для актеров чувашского театра более чем полезным стал опыт работы над воплощением подобной сложной стихотворной драматургии.

Проблема власти поднята и в трагедии «Киреметь». Историческим фоном в ней послужили пугачевские восстания, которые отразились и на судьбе чувашского народа. Автор Н. Петровский-Теветкель описывая деревенский быт, углубляется в проблему постепенного разрушения испокон веков передающихся национальных традиций. Богач Сандубай, во власти которого находится

вся деревня, и после смерти желает, чтобы односельчане поклонялись и молились ему как Киремтю. Однако властолюбие, не почитание народных обрядов и традиций губит его самого и всю семью.

Тема сохранения родного языка, продолжения рода, традиций предков для будущего поколения в условно-мифологическом ключе продолжена М. Карягиной в трагедии «Серебряное войско». Не применяя документально-исторические факты, автор раскрывает перед нами значимые события из жизни далеких предков чувашского народа, когда перед угрозой полного истребления рода женщины, проявляя волю и мужество, превращаются в грозную силу и отражают натиск превосходящего во всех отношениях врага. Главная идея трагедии носит в себе глубокий философский смысл – правда на стороне тех, кто отстаивает земли своих предков, свободу и независимость народа. Это пьеса о человеческой мудрости и глупости, о честности и лжи, о древних традициях и уважении к своим предкам. В нем сквозит и боль за то, что в современное светлое время постепенно утрачиваются вековые традиции народа, уходят доброта, человечность, утрачивается язык.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что авторы рассмотренных трагедий, утверждая идею непреходящей ценности культурного и исторического опыта древности, вместе с тем, особо тщательно стремились воспроизвести борьбу страстей, раздиравших души героев, вождей народа, как воплощение вечной и вневременной мятущейся природы человека. Личное и социальное находятся в пьесах в трагическом конфликте, что в свою очередь способствует углублению размышлений писателя об исторической судьбе народа.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Болгары и чувашы. Казань, 1902. 142 с.
2. Кириллова И. Ю. Развитие жанра трагедии в стихах в чувашской драматургии // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 4 (28). С. 156–158.
3. Кириллова И. Ю. Жанровые особенности исторической трагедии в чувашской драматургии второй половины XX в. // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 2016. С. 172–174.
4. Ковалевский А. П. Чуваши и болгары по данным Ахмед ибн-Фадлана. ЧНИИЯЛИ. Чебоксары, 1954. 64 с.
5. Комиссаров Г. И. Чăваш халăхĕн историйĕ (История чувашского народа, вып. 1. Казань, 1921. 62 с.
6. Мышкина А. Ф. Национальная литература региона как художественно-эстетическая общность (из опыта начала XX века) // Вестник Марийского государственного университета. 2016. Т. 10. № 1 (21). С. 113–117.

7. Павлов Н. С. Драматургия 1967 года // Ученые записки / Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. Вып. 39. Чебоксары, 1969. С. 66–70.

8. Родионов В. Г. Чăваш литератури. 1917–1930-мĕш çулсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2008. 430 с.

9. Родионов В. Г. Концепт «народ-лидер» в фольклоре и литературе народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 351–354.

10. Софронова И. В. Отображение образа Волжской Булгарии в чувашском и татарском фольклорах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2012. № 1–2. С. 174–179.

11. Турхан К. С. Сĕве Атăла юкса кĕрет: Истори романĕ. 1-мĕш кĕн. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. 607 с.

12. Турхан К. С. Сĕве Атăла юкса кĕрет: Истори романĕ. 2-мĕш кĕн. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1994. 559 с.

References

1. Ashmarin N. I. Bulgary i chuvashi [Bulgarians and Chuvashes]. Kazan', 1902, 142 p. (In Russ).
2. Kirillova I. Ju. Razvitie zhanra tragedii v stihah v chuvashskoj dramaturgii [Development of the genre of tragedy in poems in the Chuvash drama]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* = Humanities and Education, 2016, no. 4 (28), pp. 156–158 (In Russ).
3. Kirillova I. Ju. Zhanrovyje osobennosti istoricheskoj tragedii v chuvashskoj dramaturgii vtoroj poloviny XX v. [Genre features of the historical tragedy in the Chuvash dramaturgy of the second half of the 20th century]. *Problemy marijskoj i sravnitel'noj filologii: sb. st.* = Problems of Mari and Comparative Philology: sat. art., Yoshkar-Ola, 2016, pp. 172–174 (In Russ).
4. Kovalevskij A. P. Chuvashi i bulgary po dannym Ahmeda ibn-Fadlana [Chuvash and Bulgars according to Ahmed ibn-Fadlan]. ChNIJALI, Cheboksary, 1954, 64 p. (In Russ).
5. Komissarov G. I. Chăvash halăhĕn istorijĕ (Istoriya chuvashskogo naroda) [Chavash halakhin stories (History of the Chuvash people)]. Vyp. 1, Kazan', 1921, 62 p. (In Russ).
6. Myshkina A. F. Nacional'naja literatura regiona kak hudozhestvenno-jesteticheskaja obshhnost' (iz opyta nachala XX veka) [National literature of the region as an artistic and aesthetic community (from the experience of the beginning of the XX century)]. *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, vol. 10, no. 1 (21), pp. 113–117 (In Russ).
7. Pavlov N. S. Dramaturgija 1967 goda [Dramaturgy of 1967]. *Uchenye zapiski* = Scientific notes, Nauch.-issled. in-t jazyka, literatury, istorii i jekonomiki pri Sovete Ministrov Chuvash. ASSR, vyp. 39, Cheboksary, 1969, pp. 66–70 (In Russ).
8. Rodionov V. G. Chăvash literaturi. 1917–1930-mĕsh çulsem. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 2008, 430 p.
9. Rodionov V. G. Koncept «narod – lider» v fol'klore i literature narodov Uralo-Povolzh'ja [The concept of “people-leader” in the folklore and literature of the peoples of the Ural-Volga region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* = Herald of the Chuvash University, 2012, no. 2, pp. 351–354 (In Russ).
10. Sofronova I. V. Otobrazhenie obraza Volzhskoj Bulgarii v chuvashskom i tatarskom fol'klorah [The mapping of the image of the Volga Bulgaria in the Chuvash and Tatar folklore]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva* = Herald of the Chuvash State Pedagogical University. I. Ya. Yakovlev, 2012, no. 1–2, pp. 174–179 (In Russ).

11. Turhan K. S. Sëve Atăla juhsa kĕret: Istori romanĕ. 1-mĕsh ken. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 1994, 607 p.

12. Turhan K. S. Sëve Atăla juhsa kĕret: Istori romanĕ. 2-mĕsh ken. Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, 1994, 559 p.

Статья поступила в редакцию 18.08.2017 г.

Submitted 18.08.2017.

Для цитирования: Кириллова И. Ю., Мышкина А. Ф. Особенности исторического повествования в чувашской драматургии второй половины XX века // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 4 (28). С. 141–146.

Citation for an article: Kirillova I. Yu., Myshkina A. F. Peculiarities of historical religion in the Chuvash dramatics of the second half of the XX century. *Vestnik of the Mari State University*. 2017, no. 4 (28), pp. 141–146.

Кириллова Ирина Юрьевна, ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, irinakir1@mail.ru

Irina Yu. Kirillova, Ph. D. (Pedagogy), associate professor, Chuvash State Institute of humanitarian sciences, Cheboksary, irinakir1@mail.ru

Мышкина Альбина Фёдоровна, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, alb-myshkina@mail.ru

Al'bina F. Myshkina, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, alb-myshkina@mail.ru